

Том О' Шантер

Когда кончается базар
И распродавшие товар
Спешат домой, а на деревне,
Кой-где толпяся у ворот,
Зевает заспанный народ, –
Расположившись в харчевне
Беспечно шумною гурьбой,
За кружкою душистой влаги,
Мы забываем про овраги
И версты длинные, собой
Нас разлучающие с домом,
Где ждет, сурова и мрачна,
Нас оскорбленная жена.

Случилось так и с честным Томом
О'Шантер. Был женою Кэт
Ему прекрасный дан совет:
Сто раз она ему твердила,
Что он бездельник и кутила,
Что он – бессмысленный чурбан,
И, круглый год бывая пьян,
В базарный день, всё до полушки
Готов истратить на пирушки...
Что быть ограбленным в шинке
Иль утонуть ему в реке,
Что обопьется он до смерти
И в ад его утащат черти.

Увы, сознаться должен я:
Как часто грубые мужья
Не внемлют ласковым советам
И каются жестоко в этом!

Но возвратимся поскорей,
Читатель, к повести моей.

В базарный день сидел за пивом
Том в настроении счастливом.
Напротив помещался Джон,
Старинный друг, с которым он
Бывало прежде по неделям
В харчевне сиживал за элем.

Веселье делалось шумней,
А пиво свежее – вкусней
С минутой каждою. Рассказом
Рассказ сменялся, и пока
Хозяин, взявшись за бока,
Смеялся им – хозяйке глазом
Подмигивал лукавый Том...
И дождь, шумевший за окном,
И длинные, кривые мили –
Его собою не страшили.

Довольство полное собой
И благодетельной судьбой
Так безгранично в нем светилось,
Что грусть-забота утопилась
Сама с отчаянья в вине
(Ищите истину на дне...)
Как с сладкою добычей пчелы –
Летел мгновений рой веселый.
Монарх и счастлив, и велик,
Но – зол житейских победитель –
Был так же счастлив, как властитель,
И Том О'Шантер в этот миг.

Но счастье слишком скоротечно
И, как цветок, недолговечно.
Незримо тая, словно лед
Среди пучины синих вод,
И с быстротою метеора
Навек скрываяся от взора,
Оно сияет нам порой
Мгновенной радуги игрой.
Кто задержать способен время?
И Том заносит ногу в стремя,
А ночь ненастна, – и черна,
Как души грешников, она, –
И ветер свищет по ущельям
С каким-то бешеным весельем.
Туман и дождь, кромешный мрак
И отблеск молнии огнистой...
Ну, словом, тут бы понял всяк,
Будь он младенец иль простак,
Что в дело впутался нечистый.

А Том скакал. Кобыла Мег,

Не замедляя ровный бег,
Несла его через пни и кочки.
Темно, казалось, как в бочке.
Но презирая дождь и мрак,
Держа рукою свой колпак,
Местами ямы огибая
И песню громко распевая,
Бесстрашный Том летел вперед.
Один остался поворот
Ему до старого кладбища –
Проклятых душ и ведьм жилища.

Он миновал зловещий брод,
Где утонул прошедший год
Торговец с лошадьёю своею;
Вот здесь сломал когда-то шею
Себе разносчик с пьяных глаз,
А там повесился Дуглас...
И с шумом вод, с их диким плеском,
И молнии кровавым блеском,
Избороздившим небеса –
Сливались бури голоса.
Вдруг над оградой заклятой,
Невольным трепетом объятый,
Увидел Том среди ветвей
Сиянье призрачных огней...
И даже явственно – о, чудо! –
Волянка слышалась оттуда.

Всесилен ты над нами, хмель!
Создать героев может эль,
И создает их неизменно.
Ведь пьяным море по колено!
Кто пьян, не только на врага –
Ползет к черту на рога!
У Тома в голове шумело,
И, Мег пришпоривая смело,
Он поскакал на огонек.
И что ж увидел он?.. В кружок
Собравшись тесный, словно гости –
С чертями ведьмы на погосте
Лихой откалывали джиг!
Всё завертелось на миг
Пред изумленным честным Томом,
Когда в толпе лицом знакомым

Он привлечен был. Толстый Ник,
Игрок на дудке и резник,
В быка с рогами превращенный,
Играл им танец иступленный,
Да так играл, что каждый раз
Пускались ноги сами в пляс!

В присутствии нечистой силы
Кругом раскрылися могилы,
И мертвецы сидели в них,
Держа свечу в руках своих.
И Том увидел много разных
Лиц и предметов безобразных.
Тут был на виселице вор,
В крови забрызганный топор,
Младенцев двое некрещеных,
Змеиный яд клеветника,
Оружие убийц казненных;
Присяжной ложью оскверненных
Три адвокатских языка, –
И много было здесь такого,
Что передать не может слово.

Покуда, прыти их дивясь,
С танцоров Том не сводит глаз –
Шумнее делалось веселье.
Пьянея, словно от похмелья,
Кружился дикий хоровод.
Старухи, ведьмы в свой черед,
Откинув всякую опаску,
Пустились в бешеную пляску.

Когда бы он – не ведъм седых –
Красоток встретил молодых,
За Томом я пошел бы смело!
Но этот джиг – другое дело!
Лет тридцать каждой скинуть с плеч –
Тогда была б иная речь, –
Но ведьмы лет преклонных – гадки.
Нет, я бежал бы без оглядки!

А впрочем тут была одна
Собой пригожа и стройна.
(Шептались люди меж собою,
Что вызывает ворожбою

Она болезни между стад
И шлет на нивы дождь и град).
Она казалась красоткой
В рубашке тонкой, но короткой,
Ей сшитой бабушкой давно.
(Старушка думала едва ли,
Что в ней царицею на бале
Бесовском быть ей суждено).

О, муза, здесь поставим грани!
В полете следовать за Нанни,
Воспеть талант ее и пыл,
Пожалуй, свыше наших сил.

А Том стоял, как очарован,
К плясунье взорами прикован;
Лукавый сам, ведь ей-же-ей,
Не угонялся бы за ней!
И до сих пор стоявший тихо,
Том, не сдержавшись, крикнул: «Лихо!» –
И всё исчезло без следа...
Помчался он в испуге диком,
И с воем, хохотом и гиком
За ним – бесовская орда!

Как разъяренный рой пчелиный,
Как робкий выводок мышинный,
Когда пред ним явился кот,
Иль как на ярмарке – народ,
Когда кричат: «Держите вора!» –
Так Мэгги ринулась вперед.

О, Том, тебя погибель ждет,
И станет Кэт вдовою скоро.
Поджарит дьявольская свора
Тебя на угольях в аду;
На всех накликал ты беду.
Спасай же, Мегги, господина!
Еще усилье! Вот середина
Моста церковного, – туда
Не вступит адская орда.
И Мэгги мчалась стрелою;
Уж недалек заветный мост, –
Но, поравнявшись с ней, рукою
Тут Нанни ей вцепилась в хвост

И с торжеством захохотала.
(Как видно, Мэг она не знала!)
Рванулась Мэгги – и моста
Достигла, только... без хвоста.
Увы, в руках нечистой силы
Остался пышный хвост кобылы!

О, братья! Если кто из вас
Прочтет правдивый мой рассказ
И, угостясь не в меру элем,
Забредит ведьмами под хмелем, –
Пусть, в назидание себе,
Припомнит он о ворожбе,
И как обижен адской силой
Был честный Том с его кобылой.